

Затем его лицо вдруг изменилось, он резко нахмурился.

Если бы Ван Пэн, увлечённый игрой, в этот момент повернулся, он бы заметил, что плечи Цзян Дуна слегка дрожат, а его обычно здоровый цвет лица стал бледным. Вся его манера держаться изменилась.

Он выглядел тревожным, напряжённым и... напуганным.

— Эй, что ты делаешь? Противник уже начал командную атаку, а ты в лесу грибы собираешь?

Ван Пэн наклонился к микрофону и сокрушённо произнёс.

Цзян Дун уставился на номер телефона на экране. Без подписи, местоположение — город Ань.

Его палец долго висел над красным крестиком, но так и не решился нажать.

— Я отойду, скоро вернусь.

Он быстро бросил это, даже не дождавшись реакции Ван Пэна, встал и шагнул из-за стола. Он сидел на последнем ряду, прямо у задней двери, и теперь, не раздумывая, вышел через неё.

Но он не пошёл в туалет, а ускорил шаг и побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Ты где?! Умер там?! В полиции?! Крылья отросли, и я тебе больше не нужна?! Твоя мать умирает!! Умирает!! Ты её убил!! Тряпка!! Немедленно возвращайся домой!!! Через полчаса хочу тебя видеть!!!

На маленькой площадке за общежитием для преподавателей Цзян Дун прижался к стене, одной рукой вцепившись в штукатурку.

Голос в трубке был истеричным, почти пронзающим барабанные перепонки.

Женский крик был пронзительным, и Цзян Дун почувствовал, как по его спине пробежал холод. Голос женщины превратился в острый нож, вонзаясь в его тело, оставляя глубокие раны, которые причиняли нестерпимую боль.

Он старался контролировать голос, но он всё равно дрожал:

— Я... я в школе, я не могу вернуться.

На другом конце провода наступила пауза, после чего голос стал ещё более пронзительным:

— В школе?! Ты, тряпка, ещё учишься?! Разве я не звонила твоему классному руководителю, чтобы тебя отчислили?! Ты что, сбежал обратно?! Учишься?! Ты учишься, блин, чему?! Верни мои деньги! Я не дам тебе их тратить! Не буду тебя учить! Возвращайся домой! Будь рабом! Верни мне всё, что я в тебя вложила!!! Домой!! Домой!!!

Сделав глубокий вдох, Цзян Дун сжал телефон, его зубы стучали, а подбородок дёргался, словно он разгрызал кости. Он изо всех сил старался говорить спокойно и твёрдо:

— Я не могу вернуться.

Не «я не хочу», а «я не могу».

Не могу вернуться.

Не хочу.

После этих слов на обоих концах провода воцарилась тишина.

Цзян Дун начал считать в уме.

Один.

Два.

Три...

Не успев досчитать до трёх, он услышал, как женщина начала плакать, сдерживая рыдания.

Цзян Дун резко расслабился, его плечи опустились, а расширенные зрачки вернулись к обычному размеру.

Он чувствовал себя полностью опустошённым, его ноги подкашивались от бессвязных слов женщины.

Цзян Дун медленно сполз по стене.

Женщина продолжала, но теперь её голос был полон мольбы:

— Вернись домой... Сюду, вернись, мама скучает, вернись, пожалуйста, домой так тихо, мама умоляет тебя, вернись...

«Вернись домой» стало заклинанием, которое женщина повторяла снова и снова, словно пытаясь промыть ему мозги.

Вернись домой, оставаться снаружи — это неправильно.

Ты должен вернуться.

Цзян Дун тяжело дышал, крепко закрыв глаза, и настаивал:

— Я не могу вернуться, я учусь, школа не отпускает, я не могу.

Женщина, казалось, внимательно слушала его, следуя его логике. Теперь она, вероятно, уже не плакала, её голос был мягким и растерянным:

— Но ты должен вернуться, если ты не вернёшься, что же будет с мамой... Мама не хочет умирать, не хочет...

Его глаза наполнились теплом, и что-то влажное потекло по щекам.

Грудь Цзян Дуна сжалась от боли, словно готовая разорваться.

После долгого молчания, которое казалось вечностью, Цзян Дун с трудом произнёс:

— Не надо, просто посиди спокойно, посмотри телевизор, накрасься, я... вернусь позже, через три часа, я закончу уроки, поем, и школа меня отпустит... Ладно?

— Хорошо!

Без малейшего колебания, настроение женщины резко изменилось, и её голос снова стал радостным, словно предыдущей истерики и не было. Цзян Дун даже мог представить, как она сейчас улыбается.

Как наивная маленькая девочка.

— Я посижу спокойно, накрасюсь, посмотрю телевизор, попрошу тётю приготовить много вкусного, и буду ждать вас дома!

Ждать вас дома!

Ждать вас!

Ждать! Вас!

Закончив разговор, Цзян Дун ещё долго оставался на месте, в полной противоположности своей прежней напряжённой позе. Вне поля зрения камер он сидел на полу, уставившись на телефон на бетонной земле.

Словно телефон был каким-то монстром, который пристально следил за ним, готовый в любой момент наброситься и разорвать его на куски.

Вдали лежал окурок, ещё свежий, возможно, его выкурил Ван Пэн утром.

Его настроение, которое до этого было лёгким, стало тяжёлым, а тело — усталым.

Мама сказала «вас».

Не «тебя».

В этот момент прозвенел звонок, и самостоятельная работа закончилась.

С трудом поднявшись, он оперся на стену и вышел.

Столовая открылась.

Поев, он вернулся, чтобы посмотреть.

Вернуться и посмотреть...

Я должен вернуться, я обязан.

Остаться снаружи — это неправильно.

Я не могу делать то, что хочу.

Я неправ.

Наступил январь, и температура по сравнению с декабрём значительно понизилась. На севере многие места уже опустились ниже нуля, и после нескольких снегопадов на дорогах образовался лёд. Места, где ходили люди и ездили машины, превратились в грязную кашу, а на углах улиц и перекрёстках повсюду были видны кучи снега, смешанного с чёрной грязью. Чистый, белый снег давно исчез, и старики, идущие по улице, то и дело поскользывались, чуть не падая, что выглядело довольно рискованно. Молодёжь обходила их стороной, боясь быть обвинёнными в чём-либо.

Чэн Лан утром отправился на встречу с партнёрами по новому проекту, а в обед его пригласили на обед. Он сказал много формальных слов, и когда наконец вышел из офиса, было уже за два часа дня. К счастью, все пункты контракта были согласованы, и поездка не прошла зря.

Выехав на Кайене с парковки, Чэн Лан направился обратно в офис. Ему ещё предстояло работать во второй половине дня, и он размышлял, хорошо ли справляются его подчинённые. Как продвигаются дела у Да Мина и Сян Сян, встречаются ли они? Сможет ли Чэнь Хай самостоятельно завершить дизайн проекта, или ему нужно будет вмешаться...

Чэн Лан ехал и рассеянно размышлял, разделяя внимание между дорогой и своими мыслями. На перекрёстке он повернул на другую улицу, где по обеим сторонам стояли здания, а не множество мелких магазинов. На следующем перекрёстке, если свернуть, можно было найти уютный уголок с интернет-кафе...

Как раз в этот момент, проезжая мимо перекрёстка, Чэн Лан машинально взглянул в сторону и сразу заметил вывеску интернет-кафе, выступающую далеко вперёд. У входа в кафе стоял человек, точнее, проходил мимо. У него были длинные ноги, и он быстро прошёл мимо кафе, продолжая идти вперёд.

Чэн Лан вспомнил, что именно здесь он встретил Большого паровозика.

Тогда Большой паровозик прятался внутри...

Его взгляд вернулся к удаляющейся фигуре.

Большой паровозик.

В этот момент Кайен уже почти проехал перекрёсток, и фигура была почти скрыта стеной. Чэн Лан резко повернул руль, и, к счастью, на дороге почти не было машин. Раздался короткий и резкий скрип шин, и Кайен, обычно сдержанный и элегантный, резко развернулся на перекрёстке, передние колёса резко повернулись в сторону, и в следующее мгновение машина уже ехала по улице с интернет-кафе.

Чэн Лан, слегка нажимая на газ, чувствовал, как его сердце бешено колотится.

Он не знал, почему, но, взглянув на этого человека, он сразу понял, что что-то не так. Большой паровозик шёл, пошатываясь, низко опустив голову, его фигура выглядела удручённой и одинокой. Как будто... как будто он получил какой-то удар.

<http://bllate.org/book/15499/1374842>